

ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА

1

На сегодняшний день в соответствии с действующим российским законодательством все уголовно-процессуальные производства в зависимости от степени реализации в них принципа публичности (официальности) подразделяются на производства публичного, частно-публичного и частного обвинения. Хочется заметить, что, во-первых, настоящее деление процесса не является сугубо российской чертой, оно характерно и для уголовно-процессуального законодательства ряда зарубежных стран, например Германии, Австрии и др. А во-вторых, существующее ограничение действия принципа публичности в уголовном судопроизводстве по ряду дел есть не изначальная заданность, но результат долгого и сложного исторического развития уголовно-процессуальной формы в рамках поиска ответа на вопрос о соотношении прав и интересов отдельной личности и государства, разграничении сфер их возможного вмешательства в дела друг друга.

Исторически выделение из традиционной публичной формы уголовного судопроизводства дел, производство по которым осуществлялось в порядке частного и частно-публичного обвинения, приходится на XIX век, хотя некоторые отступления от публичного порядка уголовного производства можно заметить уже в XVIII веке. Так, в Артикуле воинском Петра Великого и в "Манифесте о поединках" 1787 года Екатерины II лицам, посчитавшим себя оскорбленными, взамен дуэли как способа защиты чести и достоинства, а также потерпевшим от совершения плотских преступлений, к которым относились изнасилование и блуд, предлагались услуги судебных органов. Последние в соответствии с законами были обязаны сначала приложить всевозможные усилия для примирения сторон и только после этого разрешать дело по существу и наказывать виновного, причем, в случаях несостоявшегося примирения, возбуждение уголовного преследования относилось к числу обязанностей потерпевшего, а не его прав.

В XIX веке в законодательствах европейских государств и России появляется большое количество преступлений, производство по которым велось особым порядком и предусматривало определенное ограничение действия принципа публичности [6,7, 8], а в уголовную и уголовно-

процессуальную науку соответственно была введена новая терминология, отражающая эти нововведения. Так, в науке уголовного права в зависимости от степени реализации принципа публичности выделены преступления, преследуемые государством независимо от воли и интересов частных лиц, и преступления, преследуемые не иначе, как по жалобе потерпевшего (фон Резон), или, другими словами, официальные и неофициальные (фон Резон, Таубер), или публичные и уголовно-частные (Таганцев, Кистяковский, Спасович), или публичные и исковые (Будзинский) [7; с. 12]. Отличительной чертой второй категории преступлений в приведенной классификации является то, что начало производства по уголовному делу по ним полностью зависит от желания или не желания потерпевшей стороны возбудить таковое, а не от поступления в соответствующие компетентные органы, как в первом случае, информации о факте преступного деяния.

В свою очередь преступления неофициальные по степени ограничения при производстве по ним принципа публичности в литературе по уголовному праву и процессу XIX - начала XX веков подразделяются на оканчиваемые примирением и не оканчиваемые таковым, или частные и частно-публичные (Фойницкий, Сергиевский), или чисто-частные и публично-частные (Белогорич-Котляревский), или чисто-частные и частно-общественные (Неклюдов), или частные и частно-общественные (Арефа), или относительно неофициальные и абсолютно неофициальные (Уложение о наказаниях) [7; с. 12]. В наше время, соответственно, наиболее распространенным является подразделение неофициальных преступлений на частные (дела частного обвинения) и частно-публичные (дела частно-публичного обвинения); настоящей терминологией мы и будем оперировать далее в статье. Специфика дел частного обвинения заключается в том, что они не только возбуждаются исключительно на основании жалобы потерпевшего, но и производство по ним может быть прекращено за примирением обвиняемого с потерпевшим, что невозможно по делам частно-публичного обвинения.

Говоря о числе преступлений, рассматриваемых в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальными законодательствами того времени в порядке частного обвинения, можно привести в качестве примера следующие цифры: Венгрия - 22, Голландия - 15, Италия - 21, Норвегия - 33, Пруссия - 6-8, Саксония - 24, Тюрингия - 25, Франция - нет [6,7,8].

Удивителен тот факт, что от момента выделения в уголовном и уголовно-процессуальном праве России в отдельную категорию преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, до момента превращения их в достаточно распространенное явление нашего законодательства прошло очень немного времени. Только в 1832 году в первом Своде уголовных законов Российской Империи впервые был закреплен особый порядок производства по делам о нанесении тяжкого оскорбления родителям и родительской власти, который допускал возбуждение уголов-

ного дела государственными органами только на основании жалобы оскорбленного и делал возможным прекращение производства по данному делу в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Однако уже в 1845 году с принятием Уложения о наказаниях число преступлений, преследуемых в порядке частного и частно-публичного обвинения, значительно возросло. Назовем эти преступления, разбив их предварительно на три категории.

1. Преступления, преследуемые ранее в порядке публичного обвинения, но Уложением о наказаниях 1845 года отнесенные к преступлениям частным и частно-публичным: нанесение легких ран и художественной собственности (ст. 2130); жестокое обращение с женщиной (ст. 2013), увечий и причинение неважного по степени своей вреда здоровью, или же нанесение увечий и ран по неосторожности (прим. к ст. 1903), изнасилование, растление, похищение, обольщение девиц или женщин, когда совершенное преступление не имело последствием смерти изнасилованной (прим. к ст. 1944, угрозы ст. 1977), похищение женщины для вступления с нею в брак (ст. 1978), прелюбодеяние (ст. 2016).

2. Преступления, преследуемые ранее не сводом законов, а специальными узаконениями, однако в соответствии с Уложением о наказаниях 1845 года отнесенные к преступлениям частным и частно-публичным: разные проступки сидельцев и ремесленников (ст. 1572, 1575, 1576, 1744, 1745, 1758, 1760, 1672, 1766, 1767), отказ детей в доставлении родителям пищи, одежды и т.п. (ст. 2024).

3. Преступления, не предусмотренные прежними уголовными законами, но Уложением о наказаниях 1845 года отнесенные к преступлениям частным и частно-публичным: некоторые нарушения строительного устава (ст. 1325, 1326); противозаконное задержание без насилия (ст. 1967); нападение с насилием (ст. 1968); вступление в брак через насилие, угрозы или обман (ст. 1979 и 1980); присвоение крепостным человеком не принадлежащих ему документов и вступление при помощи сего обмана в брак с лицом свободного состояния (ст. 2000); некоторые виды присвоения ученой или художественной собственности (ст. 2130); жестокое обращение с женщиной (ст. 2013). Однако уже через некоторое время этот список был расширен следующими преступлениями: некоторые проступки ремесленников (ст. 1807 и 1808); распространение ругательных или иных оскорбительных для чести сочинений, изображений или слухов (прим. к ст. 2024); насильственное похищение замужней женщины (ст. 2074); захват без насилия (прим. к ст. 2105); истребление и похищение чужого движимого имущества или же леса, огородов и т.п., если от того никто не подвергался опасности (прим. к ст. 2127); кража и мошенничество между родителями и детьми и между супругами (прим. к ст. 2171 и 2186).

Через 20 лет Уставом уголовного судопроизводства 1864 года и Уложением о наказаниях 1866 года число преступлений, преследуемых в порядке частного и частно-публичного обвинения, было пополнено еще

двумя: самовольным пользованием чужим имуществом и повреждением чужого имущества. Однако на этом рост числа частных преступлений в российском законодательстве не остановился. Пунктом 21 Высочайше утвержденного 15 мая 1867 года мнением Государственного Совета о мерах по ограничению частных лесов было постановлено, что обвиняемый в личном проступке, за который он может подлежать лишь денежному взысканию, имеет право закончить дело миром с потерпевшим, а само данное преступление преследуется не иначе как по жалобе потерпевшего.

Предоставленное ст. 162 Устава уголовного судопроизводства право потерпевшего мириться с обвиняемым по перечисленным выше преступлениям было ограничено следующими случаями: 1) примирение не допускалось в случае оскорбления начальника действиями подчиненного; 2) в случаях преступлений против чести и целомудрия женщины (за исключением случаев обольщения незамужней женщины обещанием на ней жениться), самовольного лишения ее свободы, если оно сопровождалось истязаниями и другими мучениями, или если последствием последнего была смерть задержанной, или противозаконное вступление в брак с ней.

2

Безусловно, введение в уголовное законодательство XIX века такого количества преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, не было обосновательным. Переход к новой капиталистической форме производства, который осуществился в это время в большинстве европейских стран и России, повлек за собой значительные изменения во всех сферах жизнедеятельности и заставил общество в корне пересмотреть свое отношение к отдельному человеку, признать за ним самостоятельную и безусловную ценность. Не остался в стороне от происходящих перемен и уголовный процесс, в рамках которого по-новому встал, казалось бы, давно и бесповоротно решенный в пользу государства вопрос о соотношении публичного и частного интересов и нахождении оптимально допустимой применительно к конкретным историческим условиям степени вмешательства государства в личную жизнь отдельных граждан.

В XIX веке в зарубежной и российской науке уголовного и уголовно-процессуального права появляется значительное число теорий, обосновывающих введение в уголовное законодательство неофициальных преступлений, производство по которым предусматривало ограничение действия принципа публичности и велось в порядке частного или частно-публичного обвинения. В последствии в начале XX века известный российский ученый процессуалист Л.Я.Таубер разбил все эти теории в зависимости от причин, лежащих в основании ограничения действия принципа публичности, на три большие группы: теории частного деликта, теория идеального блага и теории пощады потерпевшего [7; с. 345-370]. Рассмотрим каждую из групп.

В основание теорий частного деликта положено видение неофициальных преступлений как деяний, посягающих исключительно или преимущественно на права и интересы частных лиц и лишь незначительно затрагивающих интересы публичные. На этом основании признавалось, что потерпевшему по ним не только должна принадлежать инициатива возбуждения уголовного преследования, но и право на любой стадии процесса прекратить это преследование, а также право освободить виновного от наказания после вынесения приговора. Кроме того, утверждалось, что потерпевшему на правах частного обвинителя должно принадлежать руководство уголовным преследованием на протяжении всего производства по делу. Роль государства при производстве по данной категории дел должна ограничиваться оказанием потерпевшему судебной защиты, аналогичной гражданско-процессуальной. Свое отражение в той или иной степени настоящие положения нашли в работах таких ученых, как Будзинский, Спасович, Кистяковский, Таганцев, Bar, Zachariae, Dochow, Meyer и других.

Представители группы теорий идеального блага (Kirchenheim, List, Meves и др.) видят причину появления неофициальных преступлений в особом свойстве тех благ, на которые они посягают, из-за чего установить наличие или отсутствие факта нанесения, а также степень причиненного вреда невозможно без содействия потерпевшего.

В основании теорий пощады потерпевшему лежит представление о конфликте двух интересов: интереса государства, требующего уголовного преследования данного деяния как общественно опасного, и интереса потерпевшего, рассматривающего гласное и публичное производство по делу как усугубление вреда, нанесенного ему преступлением. Представители данной группы теорий (Godefroi, Zachariae, Thomsen, Helie, Koestlin и др.) видят в качестве причины введения в уголовное законодательство достаточно многочисленной категории неофициальных преступлений результат добровольного отказа государства от принадлежащего ему права преследования и наказания в случаях, если в силу объективных обстоятельств уголовное преследование деяния, всегда соединенное с судебной оглаской, может принести больше вреда потерпевшему и его семье, чем безнаказанность данного преступления.

Конечно, обозначенные выше причины введения в уголовное законодательство неофициальных преступлений далеко не исчерпывают всего многообразия существовавших в науке того времени взглядов на данный вопрос [6; с. 38-57]. Так, среди причин, повлекших появление неофициальных преступлений, называют наличие особенных отношений между потерпевшим и виновным, в том числе отношений семейных (Temme, Geib, Meyer, Trebutien, Mittermaier, Reber и др.), трудности в проведении границ между нарушениями, преследуемыми гражданским и уголовным правом (Mittermaier, Zachariae, Tippleskirch, Reber и др.), необходимость развития возможностей граждан к самоуправлению в области, регулируе-

мой уголовным законом (Hergenhan), невозможность доказать совершение преступного деяния без деятельного содействия потерпевшего (Schuetze, Reber и др.) и т.д. Встречаются в литературе также и мнения авторов, например Medem, выражающих кардинально противоположную позицию в отношении ограничения действия принципа публичности и выделения не официальных преступлений, а именно считающих, что вышеобозначенные нововведения в уголовное законодательство безосновательны и ведут только к росту правонарушений и их безнаказанности.

Возвращаясь к российскому уголовному законодательству, следует отметить, что наибольшее влияние на его развитие в XIX - начале XX веков имели теории частного деликта, в соответствии с которыми уголовно-процессуальными нормами предусматривалась, например, возможность примирения потерпевшего с обвиняемым не только до момента вынесения приговора, но и после приведения его к исполнению. Однако и две другие группы теорий были учтены нашим законодателем. Так, в комментарии Судебных Уставов 1864 года говорится: "... все эти поступки (неофициальные преступления. - А.Г.) не представляют особого вреда для общества, а в то же время одни только потерпевшие от них и могут знать, в какой степени виновно совершившее проступок лицо". И далее: "... одни обиженные могут знать и оценить, не нанесет ли им оглашение обиды еще большего позора и вреда в обществе, нежели само оскорбление" [5].

Остановимся теперь более подробно на особенностях уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения.

3

Дела частного обвинения в соответствии с уголовно-процессуальным законом России XIX - начала XX века в зависимости от их категории были подсудны как мировым судебным установлениям, так и общим, причем в последних данная категория дел могла быть рассмотрена и единоличным судьей, и судейской коллегией, и судом присяжных. Хотя, следует отметить, что наибольшее число дел частного обвинения принадлежало все-таки рассмотрению мировых судов.

Продолжая разговор о процессуальных особенностях производства по дела частного обвинения, обратим внимание на то, что само уголовное судопроизводство по данной категории дел значительно отличалось от производства дел публичного обвинения следующими чертами:

- 1) производство по делам частного обвинения не начиналось без жалобы потерпевшего (ст.5, 543 и 3 Устава Уголовного Судопроизводства);
- 2) жалобщик обязан был обозначить противозаконное деяние, указать виновного или подозреваемого в его совершении, а также представить

доказательства, подтверждающие его жалобу (ст.46, 302 Устава Уголовного Судопроизводства);

3) обвиняемый должен был сам заботиться о предоставлении доказательств в свое оправдание;

4) суд разрешал дело только на основании доказательств, предоставленных самими сторонами, и не принимал никаких самостоятельных действий по сбору дополнительных доказательств (ст.104, 526, 546, 593, п.1 ст.736, 741 Устава Уголовного Судопроизводства);

5) стороны имели право на прекращение дела в связи с их примирением (ст.20 Устава Уголовного Судопроизводства);

6) приговоры судов по делам частного обвинения поступали на рассмотрение высших инстанций только по жалобам и просьбам сторон (ст.145, 857-858,906,909 Устава Уголовного Судопроизводства);

7) прокурор не принимал участия в производстве по делам частного обвинения, то есть прокурор не выступал в суде в роли государственного обвинителя, а также не имел права опротестовывать состоявшиеся по данной категории дел приговоры (ст.5, 50, 540 Устава Уголовного Судопроизводства).

Субъектами частного обвинения по российскому уголовно-процессуальному праву того времени являлись только лица, потерпевшие от преступного деяния (п.1 ст. 42, ст. 43 Устава Уголовного Судопроизводства) и обладающие общей юридической дееспособностью. Лица, лично не являющиеся потерпевшими от преступного деяния, не имели права возбуждать уголовное преследование в порядке частного обвинения, их заявления в ряде случаев могли выступать лишь в роли поводов для возбуждения уголовного дела на общих основаниях.

Российское уголовно-процессуальное право XIX — начала XX веков допускало осуществление частного обвинения при производстве по делу не лично потерпевшим, а через поверенного (ст. 43, 570, 585 Устава Уголовного Судопроизводства), на что последний должен был иметь специальную доверенность. Поверенный был вправе в полной мере заменять своего доверителя на всех стадиях производства по делу. В частности, в делах, подсудных местным судебным установлениям, частный обвинитель мог заменить себя поверенным как в период возбуждения уголовного преследования, так и в период окончания разбирательства по делу, включая сюда склонение сторон к примирению (ст. 120 Устава Уголовного Судопроизводства).

В отличие от поверенных, законные представители в соответствии со ст. 18 и 19 Уложения о наказаниях, а также некоторых других положений данного закона имели право на самостоятельное принесение жалоб и возбуждение дел частного обвинения.

Процессуальный статус частного обвинителя значительно отличался от процессуального статуса государственного обвинителя. Так, например,

частный обвинитель не подчинялся началу законности преследования, которое было предусмотрено судебными уставами для государственного обвинителя. Он не мог быть отведен от участия в процессе, в то время как прокурор в известных случаях подлежал отводу (ст. 287, 608, 609 Устава Уголовного Судопроизводства). Он не входил в состав присутствия по делу, как прокурор (ст. 595 Устава Уголовного Судопроизводства), и его отсутствие при слушании дела имело невыгодные для него последствия (ст. 135, 303¹, 593 Устава Уголовного Судопроизводства). В осуществлении прав обжалования судебного приговора частному обвинителю была предоставлена большая свобода, чем обвинителю государственному.

По идее российского законодателя XIX - начала XX веков жалоба частного обвинителя по делу частного обвинения соответствует обвинительному заключению прокурора в делах публичных. Жалобы эти могли заявляться как в письменной, так и устной форме, и по содержанию должны были по возможности (СО 69/452 и 70/18) соответствовать требованиям ст.46 и ст.302 Устава Уголовного Судопроизводства, заключать в себе как указание на обвиняемое или подозреваемое лицо, если оно известно обвинителю (СО 74/4), так и непосредственное требование о привлечении его к уголовной ответственности (СО 69/418; 72/306, 622; 74/562; 88/33). В случае подачи словесной жалобы должностное лицо, принимающее таксовую, обязано было записать ее в протокол, соблюдая обозначенные выше условия относительно ее содержания, а также правила, указанные в ст. 307 Устава Уголовного Судопроизводства. Во время производства по делу частного обвинения лицо, принесшее жалобу, имело право подавать дополнительные к ней прошения (ст.304 Устава Уголовного Судопроизводства).

На основании жалобы частного обвинителя суд выносил определение о начале производства по делу о частном преступлении, о чем он был обязан известить обвинителя (ОС 75/25). Последний в свою очередь обязан был в семидневный срок по получении названного определения довести до сведения суда информацию о том, какие лица с его точки зрения должны быть привлечены к делу и допрошены в качестве свидетелей и по каким именно обстоятельствам. После получения ответа от обвинителя или по истечении срока на его предоставление обвиняемому вручалась в соответствии с порядком, указанным в ст. 557 Устава Уголовного Судопроизводства, копия с жалобы обвинителя, а также, в случае наличия таковых, копии с последующих его прошений, если они содержали в себе! существенные дополнения к первоначальной жалобе (ОС 74/143); кроме этого, обвиняемому вручался список лиц, вызов которых в суд будет осуществляться по просьбе обвинителя. Невыдача обвиняемому по делу частного обвинения копии с жалобы, на основании которой против него возбуждалось дело и осуществлялось предание суду, являлось существенным нарушением ст.556 Устава Уголовного Судопроизводства (ОС 74/143).

Обвиняемый по делу частного обвинения имел право подать в суд встречную жалобу, на основании которой также возбуждалось дело частного обвинения. Как правило, такого рода дела подлежали соединению в одно производство, которое регулировалось общими нормами производства по делам частного обвинения.

Смерть обвинителя не являлась основанием для прекращения дела частного обвинения (решения Уголовного Кассационного Департамента за 1871 год №1455 и 1880 год №16).

Характерной чертой дел частного обвинения было также то, что они могли быть прекращены отказом обвинителя от обвинения и примирением сторон. Об отказе от преследования в соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством XIX - начала XX веков можно говорить только до момента явки в суд к разбирательству дела. Отказ мог быть оформлен как в форме категорического письменного волеизъявления обвинителя об отказе от обвинения, так и в форме простой неявки. Согласно ст. 135, 303¹, 593 Устава Уголовного Судопроизводства эта неявка без законных на то оснований приравнивалась к отказу от уголовного дела и влекла прекращение дела. Однако за обвиняемым на основании ст. 135¹, 593 Устава Уголовного Судопроизводства сохранялось право просить о рассмотрении дела в отсутствие обвинителя.

С момента явки в суд обвинителя можно говорить о прекращении производства по делу частного обвинения только за примирением сторон. Такое примирение в делах, подсудных местным судебным установлениям, влекло прекращение дела и отмену наказания независимо от того, наступило ли примирение до постановления приговора или уже после его обращения к исполнению (ст. 20 Устава Уголовного Судопроизводства). Отмене за примирением сторон подлежали приговоры мировых судей и съездов даже после обращения их к исполнению (решение Общего Собрания Правительствующего Сената за 1887 год №2).

При рассмотрении дела частного обвинения в общих судебных установлениях примирение сторон имело юридическое значение лишь в том случае, если оно состоялось до обращения приговора к исполнению (ст. 157 Уложения о наказаниях). Но и в том, и в другом случаях, как разъяснил Сенат (1880 год, №31, по делу Манделькерн), требовалось не только одностороннее заявление жалобщика о том, что он отказывается от преследования, но и согласие на то обвиняемого. Таким образом, российское уголовно-процессуальное законодательство XIX - начала XX веков пыталось гарантировать обвиняемому защиту от недобросовестных обвинений, направленных исключительно на причинение последнему всевозможных неудобств.

Характерная особенность производства дел частного обвинения проявлялась и в том значении, какое имели для него меры, принимаемые для склонения сторон к миру. Попытки примирения предшествовали про-

изводству по делу частного обвинения, обуславливая его начало, и ни следователь, ни окружной суд не могли приступить к производству по частной жалобе до тех пор, пока следователь не вызовет к себе стороны для склонения их к миру. Только если примирение не состоялось или лицо, против которого возбуждено обвинение, не являлось для примирения без законных на то оснований, возбуждалось уголовное преследование (ст. 303' и 546 Устава Уголовного Судопроизводства). Однако после возбуждения дела частного обвинения попытка примирить обвинителя с обвиняемым должна была быть возобновлена и предприниматься в течение судебного разбирательства: у единоличных судей в силу прямого указания закона, а в общих судебных установлениях по сложившейся в них практике (ст. 165 Устава Уголовного Судопроизводства).

Мировые судьи, а равно мирные суды обязаны были убеждать стороны к окончанию дела миром, изыскивая и предлагая им способы примирения, наиболее соответствующие положению каждой из сторон и их взаимоотношениям. В случае, если стороны не являлись по вызову к примирительному разбирательству, такая неявка была равносильна: для обвинителя - отказу от обвинения (ст. 135 Устава Уголовного Судопроизводства), а для обвиняемого - нежеланию мириться (ОС 68/81; 69/258; 71/1872). Сенат рассматривал обязанность Председателя Съезда мировых судей склонять стороны к миру как законную обязанность, неисполнение которой влекло иногда за собою кассацию производства (ОС 72/826). Обязанность по примирению распространялась также и на поверенных как обвинителя, так и обвиняемого, и давала им соответствующее право мирить своих доверителей, даже если это и не было специально предусмотрено выданными им доверенностями (ОС 68/866).

Примирение между сторонами могло быть заявлено письменно, и в этих случаях Сенат требовал, чтобы, как и в порядке, существующем в процессе гражданском (ст. 1362 Устава гражданского судопроизводства), действительность примирения была выяснена путем вызова сторон в суд и допроса их о желании прекратить дело миром (ОС 74/443).

Примирение сторон по делу частного обвинения не лишало, однако, прокурора права на возбуждение независимо от этого примирения преследования виновного, если обстоятельства данного дела, по мнению его, представляли общественную опасность и должны были преследоваться в публичном порядке (ОС 74/168).

В случаях необходимости по делам частного обвинения могло проводиться предварительное следствие, которое регулировалось правилами, закрепленными в ст. 315-509 Устава Уголовного Судопроизводства, ничем не отличалось от предварительного следствия по делам публичным (Решение Общ. Собр. Сената 80/10). Однако проведение предварительного следствия по делам частного обвинения посудным окружным судам с участием присяжных заседателей было обязательным. При производстве

предварительного следствия частный обвинитель имел право заменять себя поверенным (ОС 92/59).

Ни окружной суд, ни судебный следователь по тем делам частного обвинения, по которым производилось предварительное следствие, не имели права прекращать дела этого рода за недостаточностью улик, но лишь по основаниям, перечисленным в ст. 16 и 27 Устава Уголовного Судопроизводства, или же за отсутствием в обстоятельствах предъявленного обвинения признаков преступного деяния (решение Общего Собрания Правительствующего Сената №10 за 1880 год). В данном случае заявитель жалобы имел право обжаловать настоящее решение.

По делам частного обвинения в том же порядке, что и по делам публичным, при необходимости могли применяться меры пресечения (ст.77-84,415-432 Устава Уголовного Судопроизводства).

При рассмотрении дела частного обвинения в суде суд привлекал обвиняемых к ответственности лишь применительно к тем действиям, которые были указаны в жалобе частного обвинителя, что, однако, не означало стеснения суда в юридической квалификации этих действий (ОС 66/59; 71/1473; 73/725). Интересен также тот факт, что судебными установлениями при вынесении приговора в соответствии с российским уголовным законом XIX- начала XX веков за совершение преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, могли налагаться санкции в очень широком диапазоне: от незначительных штрафов и ареста (за личные обиды, оскорбления и другие мелкие проступки) до каторжных работ (за вымогательство посредством угрозы убийства или поджога, ст.1545 Уложения о наказаниях).

Особый интерес представляет подготовка и само судебное разбирательство по делам частного обвинения в окружных судах с участием присяжных заседателей. Настоящее судебное разбирательство осуществлялось по тем же правилам, что и по делам публичного обвинения. Отличие состояло лишь в том, что дела частного обвинения передавались прокурором в суд без какого-либо письменного заключения (ст. 511 Устава Уголовного Судопроизводства) и рассматривались там без его участия (ст. 540 Устава Уголовного Судопроизводства). Подготовка к судебному разбирательству осуществлялась судебной палатой.

Судебная палата обсуждала повод возникновения данного дела, достаточность и полноту собранных судебным следствием доказательств, соблюдение требований закона к производству по делам частного обвинения, после чего выносила определение: или о предании обвиняемого суду, или о прекращении дела, или об отправлении дела на доследование (ст. 531, 534 и 540 Устава Уголовного Судопроизводства; ОС 90/4 - ЦО от 30 июня 1890 год).

При рассмотрении результатов предварительного следствия по делам частного обвинения, подлежащим рассмотрению окружного суда с

участием присяжных заседателей, судебная палата должна была подробно и тщательно соотнести содержание первоначальных жалоб частных обвинителей с результатами произведенного следствия. В случае, если судебная палата найдет содержание жалобы недостаточно определенным и информативным для составления представления о сути обвинения, а также для облегчения подсудимому деятельности по защите, она (судебная палата) была обязана вынести о том соответствующее определение в порядке, указанном в ст. 537 Устава Уголовного Судопроизводства. Копии определений судебной палаты, вынесенных согласно ст. 537 Устава Уголовного Судопроизводства взамен жалоб частных обвинителей, подлежали вручению обвиняемым (ст. 556 Устава Уголовного Судопроизводства) и прочтению на суде вместо соответствующих жалоб частных обвинителей (ст. 678 Устава Уголовного Судопроизводства). Во всех определениях о предании обвиняемого суду присяжных, выносимых судебной палатой, по делам частного обвинения должны были быть указаны лица, подлежащие вызову на судебное следствие.

В случае, если обвиняемый признавался присяжными виновным в совершении преступления, производство по которому осуществляется в порядке частного обвинения, суд определял наказание на общем основании и не обращал дело к миру, поскольку оно было начато непосредственно по жалобе потерпевшего (ОС 73/1022; 88/33; и ст. 303¹ Устава Уголовного Судопроизводства).

Особо следует выделить еще один момент, касающийся производства по делам частного обвинения. Если по делу, производство по которому в суде осуществляется в публичном порядке, обвиняемый был признан виновным в деянии, преследование которого производится в порядке частного обвинения, то суд выносил приговор в общем порядке судопроизводства по делам публичным. Исключение составляли случаи непосредственного выражения потерпевшим в суде желания прекратить дело миром, тогда суд должен был приостановить слушание дела до выяснения данного вопроса (ОС 72/1003).

Подводя итог сказанного, хочется отметить высокий уровень развития института частного обвинения в уголовно-процессуальном праве России XIX - начала XX веков. Предлагаемая вниманию информация, как нам кажется, имеет не только познавательное значение, но и может быть полезна при разработке института частного обвинения в современном уголовном судопроизводстве, что особенно актуально сегодня в условиях построения в России правового государства, поскольку сфера дел частного обвинения как раз является сферой возможного сотрудничества человека и государства, сферой позитивного решения вопроса о соотношении их прав и интересов, обозначения границ взаимного вмешательства в дела друг друга.

Список литературы

1. Уложение о наказаниях. СПб., 1845.
2. Уложение о наказаниях. СПб., 1866.
3. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции / Составлен М.П.Шрамченко, В.П.Ширковым. СПб., 1908.
4. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции / Составлен М.П.Шрамченко, В.П.Ширковым. СПб., 1911.
5. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. 2-е изд. СПб., 1867. Ч. 2,3.
6. фон Резон А.К. О преступлениях, наказуемых только по жалобе потерпевшего по русскому праву. СПб., 1883.
7. Таубер Л.Я. Жалоба потерпевшего в преступлениях неофициальных. Харьков, 1909.
8. Шишко К.А. Частное обвинение у нас и на западе // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1899. № 7-8.